

Увидев, как юный ланьцзюнь с лицом, ещё запятнанным алой кровью, не раздумывая бросается к ледяному озеру, Жун Фэн тотчас рванулся следом, но внезапно остановился.

Причина была проста: далеко позади, за его спиной, главарь разбойников вместе со своими людьми неожиданно вернулся.

Спускаясь с горы, главарь всё больше чувствовал неладное. Если бы это были конкуренты, другая шайка, те дождались бы, пока добыча окажется в руках, и лишь потом пошли бы на грабёж. Никто не стал бы стрелять исподтишка именно в тот момент, когда они уже расставили силки и вели охоту на обезьян.

Человек, сумевший в это лихое время вести за собой ватагу и жить грабежом и убийством, был не только жесток, но и неглуп. Он быстро принял решение: короткий приказ - и два десятка с лишним подельников, скользя по заснеженным ложбинам, развернулись и пошли обратно, решив сыграть роль чижа позади богомола*.

(ПП: Ключевая китайская идиома из басни «Цикада, богомол и чиж». Смысл: когда кто-то концентрируется на своей добыче (как богомол на цикаде), он сам может стать жертвой более хитрого противника (как чиж, поджидающий богомола)

Лишь подобравшись к кромке леса, они увидели, кто именно сцепился с оставленными здесь людьми. Главарь окинул взглядом происходящее и холодно усмехнулся.

— Да чтоб меня... всего двое. И эти двое осмелились влезть в дело, где нас больше тридцати. Хм, если я не вытащу им кишки наружу, значит, прожил жизнь зря.

С этими словами главарь выхватил из-за пояса длинный нож.

— Братцы, за оружие! Вперёд!

Через редколесье и заснеженный склон шайка ринулась с криками и занесёнными клинками. На руках у каждого из них было уже не по одной человеческой жизни, и потому их наступление дышало густой, зловещей жаждой крови.

Жун Фэн на миг оказался перед неразрешимым выбором. Он посмотрел на искажённые яростью лица разбойников, затем - на молодого человека, который уже бросился в ледяную воду, и после этого поднял взгляд вверх, на уходящие вдаль гряды гор, на безмолвное, бескрайнее море лесов.

Учитель говорил ему: страж гор должен охранять землю, защищать людей. Но если оглянуться - что из этого он сумел исполнить?

И тогда, к изумлению мчавшихся вверх по склону бандитов, человек впереди не стал ни

убегать, ни вступать в бой. Он запрокинул голову, глубоко вдохнул и протяжно, низко, до дрожи в воздухе, завыл в сторону суровых глубины горы Мэмэн.

Этот вой был ни волчьим, ни тигриным, но пробирал до самой души.

Их было больше тридцати, все разом рвались вперёд, против одного человека на снежном склоне - дело казалось верным, почти лёгким. Некоторые, желая урвать первый подвиг, уже вырвались вперёд. Но этот протяжный рёв в одно мгновение надломил их напор. Несколько самых робких переглянулись; по спинам пробежал холод. Они ведь давно слышали, что Мэмэн - место недоброе: вошёл - и не выйдешь. Если бы не главарь, уверявший, что дальше окраин не пойдут, если бы не жадность к деньгам, никто бы сюда не сунулся.

Да только человек умирает из-за богатства, как птица из-за корма.

Главарь, заметив колебание, тут же заорал во всё горло:

— Братцы! Несметное золото и красивые бабы - всё в этом деле! Вперёд!

А по другую сторону ледяного озера старый обезьяний вожак уже добрался до берега, где ждало его племя. Он был вымотан до предела, тяжело дышал, даже не успев стряхнуть с густой шерсти ледяную воду. Но, услышав этот протяжный вой, он вдруг выпрямился, собрал остатки сил и, словно подчиняясь древнему завету, передававшемуся из поколения в поколение, громко ответил в сторону Жун Фэна протяжным: «у-о-о». В тот же миг обезьянья стая встрепенулась и разом откликнулась общим криком.

И тогда вся гора Мэмэн, до этого погружённая в зимнюю дрему, словно внезапно пробудилась. Вслед за глухим воем Жун Фэна из лесов раздались отклики разных племён: волчий вой накатывал волна за волной, приближаясь издали и пробирая до костей; ему вторили рычание барсов и крики орлов, перекликаясь и наслаиваясь друг на друга.

И наконец все звуки слились в одном оглушительном зверином рёве, потрясшем горы и леса.

В одно мгновение обезьяны, обнажив острые зубы и когти, всей стаей ринулись к Жун Фэну. Из чащи Мэмэн с убийственным напором мчались мощные волчьи стаи, ощерив клыки. Над ледяным озером низко кружили орлы, раскинув широкие крылья. Даже огромная медведица, не ушедшая в спячку и всё ещё добывавшая пищу среди каменных россыпей, спрятала медвежонка и, обезумев от ярости, бросилась на зов.

В одно мгновение эти два-три десятка вооружённых пришельцев в горные леса превратились в мишень для всех. Все хищники, что ещё не ушли в зимнюю спячку, стеклись сюда и с тыла, со стороны Жун Фэна, обрушились на разбойников.

Несколько человек, окончательно потерявших рассудок от ужаса, развернулись и бросились

бежать, уже не думая ни о клятвах братства, ни о том, что ещё недавно вместе проливали кровь и жгли деревни. Но далеко уйти им не удалось: их заметили орлы в небе, и, стремительно пикируя, одним ударом когтей рвали людей в кровавые лоскуты.

Любая пролитая кровь лишь сильнее разжигала звериную ярость. Под натиском хищных стай эта шайка была вмиг рассеяна, разбита и смята. Главаря ещё прикрывали несколько отчаянно сопротивлявшихся подручных. Отступая с боем, они прикрывали его, а он с неверием и ужасом смотрел в сторону Жун Фэна. Последний луч заходящего солнца осветил его лицо, и в этом свете разноцветные карий и синий глаза мужчины казались особенно холодными и беспощадными.

— Н-нет... не может быть... это... это же страж гор?!

Он всё-таки был человеком бывалым и в этот миг наконец понял, с кем столкнулся. Голос его сорвался почти до визга, когда он в панике стал подгонять остальных:

— Бегите! Бегите! Это гора...

Но было уже поздно.

Как только волки учуяли на людях запах железных силков - тот самый, что ещё недавно сдавливал лапу их самки, сдерживать инстинкты они больше не могли. С протяжным рёвом они ринулись в атаку. Волк-вожак был в самом расцвете сил - огромный, почти с телёнка ростом. Даже вооружённые люди не могли устоять перед ним. Волки ворвались в толпу: тех, кто не успел прикрыться, валили на землю и одним укусом перекусывали горло; тех же, кто подставлял под удар лезвие, обходили сзади и ломали позвоночник.

В одно мгновение всё перевернулось. Только что ещё самоуверенные, кричащие и рвущиеся вперёд, люди теперь падали под ударами и клыками, их конечности разлетались, а смерть была быстрой и беспощадной.

Главарь разбойников, визжа от ужаса, покатился вниз по склону, пытаясь спастись бегством. Но у самой кромки леса его настигла огромная медведица: одним ударом лапы она прижала его к земле и размозжила череп. Алое и белёсое разметалось по чистому снегу, безнадежно запятнав его.

Медведица шумно выдохнула, будто бы ей стало легче, после чего развернулась и направилась обратно к груде камней: там, в расщелинах, её детёныш всё ещё ждал мать. Для горных зверей жалкая, испачканная в грязи человеческая жизнь не стоила почти ничего и была легче пёрышка. Зато новорождённый, чистый и беззащитный детёныш - совсем иное дело, его берегли как величайшую ценность.

В ледяном озере Бянь Хун бросился в воду. Холод мгновенно ударил в нос, обжёг уши, как иглами, и в одно мгновение поглотил все ощущения тела. Он был словно человек,

потерявшийся под водой: над головой - ни просвета неба, внизу - чёрная бездна, и казалось, что в этой тьме таится чудовище, следя за ним и готовое проглотить его стоит лишь на миг ослабить усилия и утонуть здесь навсегда.

Но он не остановился. Собрав остаток сил, он поплыл к тому куску льда, где находился детёныш обезьяны. Конечности свело от холода, сердце билось так медленно, будто вот-вот должно было заледенеть и остановиться. Одежда, напитавшаяся водой, стала ещё тяжелее, но времени снимать её уже не было.

Он не знал, сколько плыл, может, всего несколько минут, а может, прошли долгие часы. Под водой Бянь Хун словно утратил чувство времени: осталось лишь холодное, бесконечное ощущение холода. Точно такого же, как в армии в те бесчисленные бессонные ночи, когда дрожь от холода сначала разрывала тело, а потом сменялась полным онемением.

Наконец, в мутном подводном поле зрения он увидел на тонком льду маленькую, съёжившуюся и безмолвную фигурку детёныша обезьяны. Снизу, из воды, различались лишь маленькие лапки, испачканные кровью. Слово она прошла тысячи ли, но всё равно оказалась запертой здесь, обречённая быть лишь бесприютной душой, скитающейся на чужбине.

Бянь Хун без колебаний, поддерживая льдину, плыл к светящему берегу - туда, где ждали семья и племя детёныша. Ему не суждено было умереть в одиночестве на холодной плавучей льдине. По пути Бянь Хун смутно различал волчий вой и тигриный рёв, гора кипела и бушевала. Эти звуки удерживали его ускользящее сознание, не давая погрузиться во тьму. Но он не успел прийти в себя, как огромная льдина, сорвавшаяся из-под одного из расставленных бандитами капканов, с грохотом рухнула в воду.

Столкновение льда со льдом разметало тысячи осколков и острых обломков, которые обрушились на Бянь Хуна и льдину с детёнышем. Тонкий лёд под лапками маленькой обезьянки мгновенно раскололся, её крошечное тело ушло под воду, почти не сопротивляясь. Бянь Хун бросился вперёд, крепко прижал её к себе и, развернувшись, подставил собственную спину под удар накатившей воды и падающего льда.

В одно мгновение его закрутило и потянуло в глубину ледяного озера. И уже на грани потери сознания Бянь Хуну почудилось, будто он видит фигуру, которая, прорезая рябь воды, залитой закатным светом, неотвратно устремляется к нему. У этого человека были глаза разного цвета, и та единственная голубая радужка в колышущейся воде казалась особенно ясной, словно отражение лазурного моря, покрытого легкой зыбью.

Он приближался без остановки, и вскоре сильные руки схватили тонущего Бянь Хуна, притянули его к себе. Склонённое лицо - и глоток воздуха, переданный губами.

В конце концов Бянь Хун, почти ничего не соображая, был вытащен Жун Фэном из ледяного озера. Тот вернул ещё дышащего маленького детёныша обезьяны ожидавшей на берегу встревоженной стае, а затем, прижимая к себе насквозь промокшего и ледяного Бянь Хуна, стремглав помчался назад к подземной каменной хижине, из которой они вышли только вчера.

Жун Фэн и сам не знал, что способен бежать так быстро, словно у него под рёбрами выросли крылья, а под ногами свистел острый ветер. Состояние молодого ланьцзюня было крайне тяжёлым: казалось, он почти перестал дышать, тело окоченело от холода. К счастью, ледяное озеро находилось недалеко от каменной хижины, иначе на открытом пространстве у него было бы ещё меньше шансов выжить.

Поэтому Жун Фэн, не раздумывая ни мгновения, быстро стянул с себя промокшую одежду и тут же, в тревоге, протянул руки к завязкам на одежде Бянь Хуна. В полубессознательном состоянии Бянь Хун всё же настороженно почувствовал, как кто-то грубо рвёт на нём одежду - это задело самые глубинные инстинкты самозащиты.

В прежние годы, в военном лагере, солдаты обычно спали вповалку; чтобы избежать домогательств, он часто засыпал, сжимая в руке нож. Даже выбираясь из груды трупов, измождённый до предела, он всё равно мог ночью, во сне, внезапно вскочить и выхватить клинок.

Он тяготился любым телесным контактом с кем бы то ни было. И потому, когда Жун Фэн начал снимать с него одежду, он заметил: в глазах молодого ланьцзюня словно мелькнул слабый отклик, а холодные пальцы мёртвой хваткой вцепились в руку, тянувшую за ворот.

Голос Бянь Хуна был едва слышен:

— Ты... что ты делаешь...

Жун Фэн одним движением поднял его сопротивляющиеся руки над головой и в тот же миг сорвал с него наполовину заледеневшую одежду.

— Что делаю? Спасая тебе жизнь.

Затем он почти насильно притянул окоченевшего Бянь Хуна к своему ещё сохранявшему тепло телу и накрыл их обоих единственной сухой звериной шкурой. Бянь Хун отчаянно попытался вырваться, но его запястья крепко удерживали, а ноги оказались зажаты между более сильными, мускулистыми бёдрами мужчины, так что он совершенно не мог пошевелиться.

Однако постепенно, очень медленно, он успокоился.

Ему было слишком тепло. Он и не знал, что тепло другого человека может быть таким жгучим; прижатые друг к другу тела словно изначально были созданы именно так, совпадая без зазора.

В конце концов Бянь Хун подчинился инстинкту: дрожа, он опустил голову и уткнулся в широкую, горячую грудь мужчины. Когда промёрзшее до трещин тело понемногу оттаяло и словно вновь сошлось воедино, дыхание Бянь Хуна выровнялось, и он наконец уснул.

В полночь Жун Фэн открыл глаза - сна в них не было ни капли. В каморке не горел огонь, деревянная лежанка тянула холодом, и он мог лишь держать молодого ланьцзюня на себе, накрыв их ещё одним слоем звериной шкуры. Но уснуть он так и не смог: соприкосновение кожи с кожей вызывало у него онемение, словно мурашки бежали по всему телу. Его тянуло сильнее прижать, провести рукой, но он сдержал себя.

Затем он осторожно спустился с деревянной лежанки, наспех обернулся тонкой тканью, вышел и собрал немного сухих дров, после чего развёл огонь в очаге каменной хижины.

Пламя разгоралось и затухало, потрескивая. Он вздохнул, сжал губы и, прислонившись к каменной стене, сел на скамью, обхватив голову руками. Так он просидел в молчании долгое время. Время от времени его взгляд возвращался к деревянной кровати - к молодому ланьцзюню, который, казалось, сжался во сне от холода, стоило ему отойти.

В каморке уже стало тепло; возможно, его тепло больше не было нужно. Но, немного помедлив, он решительно стянул с себя тонкую ткань, резко поднялся, широкими шагами подошёл к кровати, приподнял звериную шкуру, накрывавшую Бянь Хуна, и снова лёг рядом. Под шкурой Бянь Хун, не просыпаясь, сам потянулся к источнику тепла и прижался к нему.

Мужчина лежал на спине, ощущая лёгкую, почти невесомую тяжесть тела на себе, подтянул край шкуры плотнее и под тёплым, ровным потрескиванием очага закрыл глаза.

<http://bllate.org/book/13502/1225409>